

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Юлия Морозова

СЕМЁНОВСКИЙ МАНЬЯК

Юлия Морозова
Семёновский маньяк

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Морозова Ю.

Семёновский маньяк / Ю. Морозова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Студентка Ксюша приезжает на каникулы в деревню Семёновку, прекрасно проводит время на природе, знакомится с потрясающим парнем и влюбляется в него. В это время главная новость в селе - возвращение из тюрьмы опасного маньяка, растлившего девочку-подростка. Но самое ужасное - это то, что Ксюшин любимый и есть знаменитый "Семёновский маньяк"! В оформлении обложки использована фотография из личного архива Людмилы Фиткулевой. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глава 1

Моя мама всегда мечтала жить в деревне, но папа и его родня твердили, что ребёнка (меня, то есть) нужно развивать в духовном, интеллектуальном и физическом планах, а это возможно исключительно в городских условиях. И вот теперь, когда папы с нами нет (тьфу-тьфу-тьфу: жив-здоров, слава Богу, просто молоденькая любовь в ребро... ну, вы понимаете...), а ребенок достиг восемнадцатилетия и далее может развиваться по своему усмотрению, мама всё-таки перебралась в деревню. Да-да, именно так, насовсем. До города всего пятьдесят километров, так что полчаса на электричке – и я уже в тёплых материнских объятиях и (что тоже приятно) за щедрым материнским столом.

В городе мама работала инспектором по делам несовершеннолетних (попала на эту должность случайно и временно, да так и осталась на двадцать два года), а здесь устроилась воспитателем в детский сад.

И вот, окончив второй курс мединститута, я явилась в Семёновку, чтобы за два месяца напитать кислородом и положительными эмоциями свой иссушённый науками мозг.

Второе лето подряд я наслаждаюсь буйством красок в природе и одежде людей. Это для меня особенно важно после строгости и однообразия цветовой гаммы, сопровождающей жизнь медика, даже будущего. Средства (родительские, конечно) позволяли съездить на какой-нибудь курорт, наш родной или заграничный, и девчонки агитировали рвануть туда, где «много загорелых озабоченных мужиков». Но я ответила, что загорелых и в деревне полно, а насчёт озабоченных... Мне и в родном городе одного хватило. Это я свою «недолюбовь» имею в виду.

В конце первого курса я начала встречаться с Кириллом. Он уже заканчивал обучение и работал ординатором в одной из больниц. Судя по всему, врачом он обещал стать толковым, и ему предложили остаться на постоянную работу после получения диплома. Но как только заветный документ оказался у него в руках, новоиспечённый эскулап решил попытать счастья в столичных клиниках, о чём и сообщил мне в один из романтических вечеров.

Больше всего меня взбесил не сам факт того, что он меня бросил, а то, как он это обставил. Мы встречались уже больше года, и я не помню случая, когда бы мой возлюбленный приглашал меня куда-либо дороже боулинга. Я и не рассчитывала: студенты всё-таки – денег лишних нет. А тут вдруг Кирилл позвал меня в ресторан, и весь вечер был галантным и предупредительным, всем своим видом намекая на некое продолжение. Да и обмолвился ненароком, что у него ко мне есть серьёзный разговор. Весь этот музыкально-винно-свечечный антураж наводил на мысль о заветном колечке в бархатной коробочке. И я вдруг впервые задумалась, хочу ли я замуж за Кирилла. Прокрутила в голове весь наш совместный год, наши гладко, без ссор и недоразумений, развивавшиеся отношения. И ясно поняла: не хочу. Стало как-то стыдно за то, что столько времени парню голову морочила. Поэтому, когда наш романтический вечер плавно перекочевал в мою девичью спальню, то там уж я расстаралась настолько, что в этот раз мы не ограничились одним заходом. И даже двумя...

Обалдевший от беспрецедентного для меня аппетита, Кирилл подвинул себя на приготовление завтрака и доставку его прямо в постель, которая в это утро напоминала полигон после бомбежки. За полгода наших интимных отношений мне впервые это понравилось. Раньше было... нормально. Именно это слово высмеяла моя подруга Юлька, которая, в свойственной ей манере играя словами, заявила: «Нормально – это когда офигенно. А если просто «нормально», то это ненормально!» Вот как раз этой ночью всё было, если ещё не «офигенно», то уж точно больше, чем «нормально».

А после всего этого, после того как я, довольно мыча, съела недожаренный тост и выпила переслащённый кофе, этот умник заявил, что никогда не забудет нашу прощальную ночь. Прощальную! Потому что он уезжает в Питер делать карьеру. А то, что он будет «с теплом вспо-

минать время, проведённое с восхитительной девушкой» (как вам цитатка?!), должно было мне польстить и выдавить слезу благодарности. Не знаю, может, он и вправду серьёзно думал, что я его обниму на прощанье и пожелаю успехов в труде и личной жизни? С него станется, он ведь, по его словам, человек бесконфликтный. До этого утра мне казалось, что я тоже. Пока не опрокинула на этого кретина полкофейника им же сваренной коричневой жижи и не вытолкала его за дверь вместе с его вещами, не дав даже одеться. Упс! И обуться тоже. Поэтому его начищенные туфли насладились полётом с балкона одиннадцатого этажа. Вот так эффектно закончился единственный в моей жизни роман!

Теперь, я думаю, ясно, почему сегодня меня не интересуют ни загорелые, ни озабоченные, ни какие-либо другие самцы?

Мой список на это лето выглядел так:

- 1) Мамина кормёжка плюс много ягод, фруктов и овощей.
- 2) Баня.
- 3) Речка сразу под бугром, метрах в сорока от бани (какая прелесть, что дом крайний на улице!)
- 4) Девчонки, с которыми я подружилась прошлым летом.
- 5) И НИКАКИХ МУЖИКОВ!!!

Глава 2

Вы когда-нибудь просыпались в деревне летом? Да? Ну, тогда вы меня понимаете! Свежий ветерок колыхает задернутые занавески на распахнутом окне. Ни мух, ни комаров нет, благодаря мелкой москитной сетке. Пахнет травами. Прелесть... на этом заканчивается. А всё из-за одной хвостатой размалеванной твари, которая (точнее, который) начинает горланить в своём птичьём гареме задолго до рассвета, как бы ни уверяли нас в обратном сказки. А рассветать в начале июля начинает примерно в половине пятого. Здорово, правда? И если бы прокукарекал разок-другой и заткнулся – это бы ещё ничего, потом снова можно заснуть, так ведь нет, надрывается без перерыва уже минут двадцать. И не он один, а ещё и его товарищи по всей деревне. Хорошо ещё, что соседи у нас только с одной стороны и окно моей спальни выходит на реку! А вот мамино смотрит во двор, и курятник у соседей прямо за забором. Неудивительно, что я уже слышу её шаги и стук кастрюльных крышек. Вот и микроволновка пропищала. Думаю, больше я не усну.

Выхожу на кухню и молча целую маму в щёку.

– Завтрак ещё не готов, – улыбается она мне. – Чего так рано поднялась?

Я хмыкнула:

– А меня и не спрашивали, прогорланили раз тридцать на ухо, мол, вставай, лодырь.

– Это Арсений, – засмеялась мама.

– Да? – удивилась я. – Мне всегда казалось, что их всех Петями зовут.

– Ой, он такой красавчик, что ему и имя нужно поблагородней, – заверила мама.

– Ладно, – не стала спорить я, – только вот чего этому аристократу не спится?! Мам, пойду-ка я пробежусь, пока не так жарко. Всё равно спать уже не получится.

– По прошлогоднему маршруту? – улыбнулась мама.

Мой обычный маршрут для пробежек, облюбованный ещё прошлым летом, начинался от ворот дома, шел вдоль берега реки вниз по течению до моста примерно полтора километра, затем, перейдя мост и налюбовавшись стайками мальков в прозрачной воде, я возвращалась по тропинке, протоптанной по противоположному берегу местными рыбаками. Чуть дальше нашего дома был брод – широкое мелкое место, там где раньше была бобровая плотина. А, не доходя до брода метров сто, прямо напротив нашего огорода, было место поглубже, где можно хорошо поплавать и понырять. Местные называли это место «яма», мальчишки его особенно любили за возможность прыгать с прибрежной вербы, так как здесь была хорошая глубина.

Когда вода бывала холодной, я переходила речку вброд, умывалась и топала наверх, к дому. Но в такие дни, какие стояли сейчас, когда вода не успевала за ночь остыть, я наслаждалась купанием в «яме».

Вот и сегодня, отдышавшись на противоположном берегу, я, прямо в шортах и майке, осторожно пробралась между камышами и, оттолкнувшись от берега, поплыла к середине реки. Не успела я сделать и пяти гребков, как почувствовала перед собой мощный всплеск, и волна от бултыхнувшегося рядом крупного предмета накрыла меня с головой. От неожиданности я хлебнула воды, закашлялась и, потеряв ориентацию, не имея возможности вытереть лицо и глаза, начала судорожно бить руками. Через несколько секунд поверхность реки начала успокаиваться, и я уже подумала было, что сейчас выплыву, но тут меня кто-то схватил за волосы и сильно потянул назад. Я вскрикнула и снова хлебнула речную воду, ощутив её и в горле, и в носу, и даже в ушах. Нет, терять сознание и тонуть я не собиралась: в конце концов, я умею плавать. Пусть не очень хорошо, но речку шириной в десять метров как-нибудь осилю! Я попыталась перевернуться со спины на живот, чтобы отцепить волосы, но их сильнее тянуло куда-то в сторону, потом я услышала у себя над ухом голос, как мне показалось, раздражённый:

– Прекрати трепыхаться!

Я тут же и прекратила. Сначала от неожиданности, а потом до меня дошло, что меня, оказывается, спасают. Мне это ни к чему, конечно, я бы и сама выплыла, но пусть человек думает, что совершил благое дело. Мне не жалко, а ему приятно.

Но довольным мой спаситель почему-то не выглядел. Как только мы оказались на мелководье, меня поставили на ноги, и я смогла рассмотреть, кому обязана тем, что теперь у меня болит весь скальп.

Стерев с лица воду, я открыла, наконец, глаза, и уперлась взглядом в... кадык. Опешила немного: всё-таки рассчитывала на лицо. Не поднимая взгляда, попыталась сориентироваться в пространстве, но боковое зрение ни справа, ни слева так и не достигло границ этого тела. То ли тело такое огромное в ширину, то ли я стою слишком близко к нему. Опустив глаза, увидела только воду, подняла их вверх – подбородок, покрытый тёмной вчерашней щетиной. И с кем мне, скажите на милость, общаться? Кого благодарить?

– Дышать можешь? – снова тот же раздражённый голос. Не зная, с кем имею дело, я кивнула. Тут же меня схватили за руку и потащили к берегу. Перед моими глазами появились сначала плечи. Вот это плечи! Потом спина. Странная спина. Широкая, мускулистая, треугольником сужающаяся ближе к талии, но совершенно белая, без малейшего следа загара. Руки – под стать спине: бугристые, с хорошо развитыми мышцами, с тёмными волосками на девственно белой коже. Ниже я взглянула только мельком, потому что на мужчине были не плавки, а черные хлопковые трусы наподобие семейников, и их растянутая от воды резинка сползла, обнажив... немного больше, чем традиционно принято обнажать. Он подпернул одну сторону свободной рукой, и ткань сильнее облепила... так хватит! «Не успела от одной задницы избавиться, а уже на другую заглядываешься!» – одёрнула я себя. Тут мы достигли берега, и меня, грубо дёрнув за руку, усадили на песок. Я, наконец, взглянула ему в лицо.

«Мамочка, спаси меня!» – пронеслось у меня в голове. Мужчина был великолепный. И злой, как черт.

– Откуда тебя вынесло? – гаркнул он, отбрасывая мою ладонь с таким видом, будто это змея. Может, и не особо ядовитая, но противная до тошноты.

– Я-то купалась, – оскорбилась я. – А вот ты откуда взялся? С неба свалился?

Он, и правда, был похож на падшего ангела: почти чёрные волосы, тёмно-карие глаза, чёрные густые брови и такие же ресницы, слипшиеся от воды иголочками. Всё это особенно впечатляюще контрастировало с белой кожей.

– Да я тут всю жизнь... – начал он, но осёкся. – А тебя первый раз вижу.

– А я – тебя! – парировала я, с трудом стягивая резинку, запутавшуюся в мокрых волосах. – Ты меня чуть не утопил. Глядеть надо, куда прыгаешь!

– Да не было тебя перед тем, как я на вербу полез, – рявкнул он. – Тебе больше заняться нечем, кроме как купаться в полшестого утра?

– А тебе? – я с вызовом уставилась в эти охренительные глаза.

– Б...! – выругался он и вскочил с песка.

– Козёл! – не осталась в долгу я. Он резко обернулся и, поиграв желваками на скулах, выдавил из себя:

– За «козла» можно и ответить.

– За «б...» – тоже, – я уже пожалела, что сцепилась с ним, потому что увидела в его глазах что-то опасное. Но отступить было некуда.

Парень, не отрываясь, несколько секунд смотрел мне в глаза, потом молча пошёл в воду. Войдя примерно по пояс, нырнул в сторону противоположного берега. Он плыл под водой неглубоко, поэтому с берега видно было, как скользит его мощное белое тело.

Я поняла, что «обмен любезностями» окончен, и побрела по ещё прохладному песку наверх, к своему дому. Когда дошла до бани в конце огорода, позади раздался уже знакомый низкий голос:

– Это твоё?

Обернувшись, увидела этого... человека, одетого только в спортивные штаны. На ходу он протянул мне связанные за шнурки мои собственные кроссовки с торчавшими изнутри носками. Я и забыла, что оставила их на том берегу, когда полезла купаться. Не говоря ни слова, я взяла свою обувь и повернула на тропинку, которая делила наш огород пополам.

– Ты что, здесь живёшь? – мне показалось, или в его голосе прозвучало удивление?

– Мы почти два года назад купили этот дом, – равнодушно пояснила я. – А это наша баня.

Парень кивнул и повторил:

– Ваша баня...

Я постояла, думая, что он ещё что-то скажет. Но он молчал, внимательно разглядывая небольшое бревенчатое строение. Не дождавшись больше ничего, я пошла к дому. Уже возле задних ворот оглянулась: он стоял на том же месте и смотрел мне вслед.

Глава 3

Хлеб привозят в семь утра, к открытию. В это время около магазина разворачивается сельский мини-рынок. Примерно к девяти уже никого нет, но начинают приходить покупатели в магазин, и длится это до обеда. К двум часам в центре пусто: все или прячутся от жары, или возвращаются на работу после обеденного перерыва. Детвора толпится у речки, потому что к этому времени как раз прогревается вода. Идеальное время для похода в магазин. Одно плохо: в половине случаев мы с дедом остаемся без хлеба, потому что к двум часам его обычно уже разбирают. В четыре – новый завоз. Но с этого времени и до самого вечера в центре опять много людей. Самому что ли научиться хлеб печь?

Я не боюсь людей. Наоборот, это они меня боятся. В первые дни я ходил в магазин с утра. Приходил домой и рассматривал себя в зеркале на предмет копыт, хвоста и рожек со свиным пяточком. Ничего. Что же тогда бабки крестятся, увидав меня у дверей магазина? Вроде не инвалид и не ветеран войны, а люди расступаются, пропуская меня без очереди. Меня это бесит. Тётя Света, которая когда-то была маминной подругой, вежлива со мной до тошноты. Мне её даже жалко: другие вольны шарахнуться от меня, обойти за три улицы, а она на работе. Вот и улыбается так, что, наверное, скулы сводит от напряжения, и обращается ко мне, выросшему у неё на руках, на «Вы». Это меня тоже бесит.

А у деда болят ноги. Раньше к нему приходила соцработник, но после моего возвращения позвонила и сообщила, что, раз с ним теперь проживает родственник, то делать это она не обязана. Конечно, в наш дом её теперь под ружьём не загонишь!

На речку тоже стараюсь ходить пораньше, пока никого нет: не хочу пугать детвору, лишая детей главного летнего развлечения. Уже две недели их страшат мной, как Бабайкой. Мне вообще нельзя близко подходить к детям, особенно к девочкам. Я держусь от них подальше. Точнее, держался. До сегодняшнего утра. Кто же знал, что в такую рань какая-то пигалица пойдёт купаться на яму?!

Когда я ее вытаскивал, единственное моё желание было – утопиться. Исчезнуть из этого мира, пока тот ад, через который я прошёл два года назад, не втянул меня снова. Два года колонии – это не самое страшное, что я пережил. Там я быстро разобрался, как действовать, чтобы не дать себя в обиду. Это стоило мне нескольких шрамов, переломанных рёбер, двух визитов в карцер, трёх недель в лазарете. Но в итоге я заставил всех со мной считаться.

Самое страшное – это следствие и суд. Я не был готов к этому, я отказывался понимать, почему никто не хочет услышать меня, почему люди не видят очевидных фактов, почему заранее осудили и клеймили человека, которого знают с детства! Почему безоговорочно поверили в мою злодейскую сущность и ни на минуту не усомнились в словах тех, кто без зазрения совести поливал меня грязью, извращая против меня самые безобидные поступки, о которых я уже и забыл на тот момент? Почему затравили моих родителей, вынудив их уехать из села, в котором мой отец родился, а мать прожила с ним больше двадцати лет? Десятки этих отчаянных «почему» роились тогда в моей голове, доводя меня до иступления.

Сейчас, спустя два года, они вернулись. Только я уже не тот пацан, который наивно верил, что на суде всё откроется и решится по справедливости. Теперь я в справедливость не верю и никому ничего не собираюсь доказывать. Мне никто не нужен, кроме деда. Он оказался крепче моих родителей: он остался здесь и выжил эти два года. Значит, и я выживу. Плевать я хотел на всех. Ненавижу! Подозреваю, что не все в селе считают меня злодеем и боятся, но подойти и заговорить тоже никто до сих пор не решился. Ненавижу их ханжество! Ненавижу их трусость!

Это девчонка на речке – как глоток свежего воздуха. Я не мог поверить, что она меня не боится. Такая дерзкая! С каким любопытством меня разглядывала, думала, что я не замечу.

Как отчаянно хамила мне в лицо! Никакого страха в глазах, только гнев и раздражение. Я был так тронут, что даже сплавал за её кроссовками.

А когда выяснил, что она живёт в моём доме, когда она сказала «наша баня» про то, что мы с отцом строили вдвоём всю весну... не могу определить, что я в тот момент почувствовал!

У меня защемило в груди, когда я понял, что сегодня же эта малявка с ужасом узнает, с кем она провела утро у реки, и уже никогда не посмотрит на меня так дерзко, никогда с таким вызовом не пожмет плечами и не повернётся ко мне спиной. И уж тем более не будет больше так игриво покачивать своей аппетитной круглой попкой, зная, что за ней наблюдает знаменитый Семёновский маньяк.

Глава 4

С Арсюшей мы подружились. Несмотря на то, что этот засранец каждое утро будит меня ни свет ни заря, я не смогла перед ним устоять. Он, и правда, красавчик. Каждое утро, перед пробежкой, я взбираюсь на большущую бочку у себя во дворе, чтобы пообщаться с этим похабником. Сначала он взлетает на собачью будку и долго флиртует со мной, красуется радужным оперением и ярко-красным гребешком, косится на меня, закатывает глаза и что-то рассказывает на своём петушином языке. Потом, когда я через забор бросаю ему зёрна и кусочки вчерашнего хлеба, он спускается на землю и с важным видом созывает два десятка своих жён на пиршество. Сам при этом возвышается над суетливыми курами и цыплятами и не клюнет ни крошки. Мужик!

После общения с Арсением я отправляюсь на пробежку. Возвращаясь, каждый раз вижу того парня, который так нелепо меня топил, потом спасал. Он тоже видит меня с высоты, но, пока я добегаю до ямы, он уже успевает спрыгнуть с вербы, и с противоположного берега мне видна только его широкая спина, стремительно удаляющаяся на бугор. Я не пытаюсь специально с ним встретиться, а он, похоже, нарочно избегает меня.

Вчера он заметил меня слишком поздно и не успел уйти далеко. Когда я спускалась в воду в обычном месте, он натягивал свои спортивные штаны, стоя ко мне спиной. Я не стала окликать его. Он тоже не обернулся, хотя по напрягшимся мышцам я поняла, что он услышал плеск воды. Взъерошив рукой свои короткие тёмные волосы, он торопливо направился к селу. Я успела рассмотреть, что за эти две недели он равномерно загорел. Интересно, а до июля он что, в подвале прятался? Теперь тело его аппетитно блестело, красиво переливаясь благодаря капелькам воды. По крайней мере, так было со спины. Потому что «с фасада» я его видала только в то памятное утро моего чудесного спасения.

Кто он такой, я не знала, а спросить было не у кого. В прошлом году мама познакомила меня с дочками своей коллеги. Одна из них – Алина – моя ровесница, только что окончила колледж и устроилась технологом на местный молокозавод, а младшая – Маша – тогда переходила в одиннадцатый класс. Сейчас Алина почти всё время была занята подготовкой к свадьбе со своим одноклассником Пашей.

Но сегодня всё должно измениться. Во-первых, в деревню возвращается Машка, которая уезжала в город, чтобы развезти свои документы по пяти лучшим вузам. Во-вторых, ко мне в гости на три недели приезжает Юлька, чтобы поделиться впечатлениями от десятидневного отдыха в Черногории. Обе они приедут с пятичасовой электричкой, а я пойду на станцию их встречать. Точнее, поеду на велосипеде, чтобы потом нам не тащить километр их пожитки в руках.

Встреча была бурной. Машка с Юлькой тут же разговорились, будто знакомы сто лет, а не десять минут. Спортивную сумку Маши мы повесили на руль, а чемодан Юли закрепили на багажнике верёвкой и тронулись в путь, по-очереди ведя велосипед и болтая обо всём, что произошло за время разлуки.

Так мы преодолели половину пути. И тут случилось непредвиденное. Верёвка, которой был обмотан чемодан, немного ослабла, конец размотался и попал в велосипедную цепь, наматываясь на звёздочку. Мы не сразу это заметили, поэтому верёвка успела истрепаться в ломотья, и мы застряли посреди дороги, тщетно пытаюсь освободить механизм из плена. Хорошо ещё дело происходило не на открытой местности, а в небольшой посадке, которую пересекала дорога со станции.

Пока мы ковырялись и вздыхали, в спасительную тень вступил ещё один человек. Увидев нас, он замедлил шаг. Я узнала в человеке моего незнакомца-прыгуна и поняла, что он не горит желанием с нами общаться и даёт нам время убраться подальше. Но мы были обречены

застрячь здесь с этим велосипедом. Парень, видимо, понял, что нашего ухода не дожждётся, поэтому всё-таки приблизился. Поначалу, еле заметно кивнув мне, он собирался пройти мимо, но потом сообразил, что у нас что-то случилось, и повернулся к многострадальному велосипеду.

– Что у вас тут? – спросил он, присаживаясь на корточки перед задним колесом. Машка шарахнулась от него, как от чумного. Вот дикая! Как она будет в городе учиться?! Юлька, раскрыв рот, наблюдала за каждым его движением. Парень, заметив их состояние, едва уловимо усмехнулся и достал складной нож. Машка, казалось, перестала дышать. Парень обрезал растрепавшийся конец верёвки, выковырял ножом все волокна из звёздочки, затем встал и размотал остальную верёвку с Юлькиного чемодана. Медленно, ни на кого не глядя, он демонстративно наматывал её на руку, а когда закончил, поднял глаза на Машку и подмигнул ей. Машка пошатнулась, схватив меня за руку. Парень отвернулся, крепко привязал чемодан, закрепил конец верёвки и, спрятав нож в карман, зашагал к селу. Даже не взглянул больше на нас. Мы, как три дуры, молча смотрели ему вслед.

– Ущипните меня, – наконец произнесла Юлька.

– Что? – очнулась я.

– Я спрашиваю: он настоящий или мне привиделось?

– Когда я с ним разговаривала на речке, вроде был настоящий, – усмехнулась я.

Тут отмерла Машка:

– Ты с ним разговаривала?! – завопила она.

– Да. А что?

– Ты с ума сошла! Это же Семёновский маньяк!

– Кто? – опешила я.

– Маньяк, про которого мы тебе рассказывали! Вы живёте в его доме!

Юлька перевела взгляд с Машки на спину удалявшегося по дороге парня:

– Блин, запирайте меня с этим маньяком в одиночной камере дня на три, а лучше на недельку! И можно даже не кормить.

– Это не шутки! – вопила Машка. – Он недавно только из тюрьмы пришёл.

– И за что сидел? – поинтересовалась Юлька.

– Я точно не знаю. Кажется, за изнасилование.

Подруга вздохнула:

– И кому же так повезло?

Машка посмотрела на неё, как на полоумную. Да, к Юлькиным шуточкам надо ещё привыкнуть. В другое время я бы всласть посмеялась вместе с ней.

Впервые я услышала о Семёновском маньяке прошлым летом, когда девчонки проводили для меня экскурсию по селу и знакомили с местными достопримечательностями. И главной из них оказался, как ни странно, наш дом. «Дом маньяка» – так, оказывается, его называла вся деревня. Мама покупала его через агентство и, естественно, была не в курсе. На мой вопрос, где сейчас находится этот самый маньяк, Алина ответила, что в тюрьме.

– И много он людей убил? – содрогнулась я.

– Ни одного, – возразила Алина. – Он не маньяк-убийца, он...

– Сексуальный? – догадалась я.

– Очень! – старой шуткой ответила она, и мы втроём расхохотались.

Но теперь мне хотелось упасть на дорогу и грызть в отчаянии землю.

Глава 5

Ну вот, теперь она всё знает. И незачем мне больше ходить по утрам на речку, ведь её там не будет. Весь вид блондинки говорил о том, что она не помнит себя от страха. Теперь уж она точно просветит подружек, чьих лап им по счастливой случайности удалось избежать. Странно, но впервые со дня моего возвращения меня не взбесило, что меня боятся. Наоборот, мне стало смешно, и я забавлялся, демонстрируя нож и верёвку этой обомлевшей с перепугу девчонке. Это уже потом стало грустно от мысли, что ей наговорили обо мне. Вторая подружка осматривала меня откровенно похотливым взглядом. А моя знакомая, точнее, незнакомая, смотрела на меня... обычно. Ни страха, ни похоти, ни кокетства. Немного любопытства, немного удивления, благодарность за помощь. Раздражения и гнева, как в первый раз, не заметно. Конечно: сегодня же я её не топил и не тащил за волосы. Сегодня я герой – велик починил.

Но оставаться мне героем ровно до того момента, пока блондинка не очнётся и не раскроет глаза своим подругам, предупреждая о маньяке. Наверное, они и до села не успели дойти, а уже знали все подробности страшных событий двухлетней давности. В том числе и придуманные талантливой молвой. И ходить на речку, где её поджидает страшное чудовище, малявке теперь вряд ли захочется.

Я не хотел рисковать и заговаривать с ней, поэтому убирался с берега до того, как она добежит до ямы. Мне достаточно было видеть её фигурку в синей майке на рыбацкой тропе, чтобы удостовериться, что на свете есть ещё хоть один человек, который не боится меня, каждое утро приближается к этому месту, точно зная, что я нахожусь где-то рядом.

Но сегодня, сколько я ни смотрел в сторону моста, синяя майка так и не мелькнула. А я, как дурак, сидел на вербе и ждал, хотя ноги уже затекли.

– Ты собираешься прыгать, или решил там гнездо свить? – от неожиданности я чуть не свалился с ветки, услышав её голос. Она была уже в воде, чуть в стороне от того места, на которое я обычно приводняюсь. Как я мог её пропустить? Она смотрела на меня без страха, слегка насмешливо, наверное, это из-за моего удивленного лица.

– Прыгай уже, – повторила она. – Только имей в виду: я умею плавать.

И я полетел вниз. Не прыгнул, а именно полетел. Никогда ещё я с такой радостью не входил в воду и с такой поспешностью не стремился вынырнуть на поверхность. Мне казалось, что, стоит мне на миг задержаться под водой, и я уже не застану её здесь, среди камышей и рогоза.

Вынырнул я прямо перед её лицом, она слегка отшатнулась от неожиданности (мне хотелось в это верить).

– Боишься за свою косу? – пошутил я, напоминая о нашей первой встрече.

– Я ею очень дорожу, с детского сада растила, – в тон мне ответила... кстати, я даже не знаю её имени.

– Как тебя зовут? – не откладывая, спросил я, понимая, что, возможно, это единственный шанс с ней поговорить.

– Ксюша, – ответила она.

– Ксюша... – повторил я, пробуя на вкус её имя. Мне оно понравилось. – А я Егор.

– Егор... – эхом отозвалась она. Меня мурашки пробрали от того, как она это сказала. Дышать стало тяжело. Она заметила это, поняла, что я сейчас чувствую. Я наблюдал за ней в ожидании, когда момент понимания сменится моментом ужаса.

– Не бойся меня, – б..., я же решил уже, что не буду ни перед кем оправдываться, никому ничего доказывать, а сам почти умоляю эту девчонку поверить мне и не бояться!

– Не такой уж ты и страшный, – возразила она.

– Внешность бывает обманчивой, – предупредил я. Мне хотелось разведать, до какой границы я могу пойти, не напугав её.

– Только не твоя, – улыбнулась она. – Ты опасен сам для себя. Мои подруги весь вечер только о тебе и говорили.

– Мечтали сказать «спасибо» за велосипед? – поддразнил я.

– Как же! Одна твердила, что ты маньяк, готовый в любой момент наброситься на беззащитное девичье тело. А другая сама, как маньячка, мечтала наброситься на твоё.

– Мне нравятся твои подруги, – позабавился я. Напряжение между нами всё возрастало. Мне хотелось сгрести её в охапку, зарыться в неё, раствориться в её теле и остаться там навсегда в спокойствии и неге. Но я боялся даже пошевелиться в воде, опасаясь увидеть испуг в её глазах. Она первая дотронулась до меня, проведя пальцами от виска по щеке, скуле, нижней губе.

– Тебе очень идет загар, – сказала так тихо, что я еле расслышал.

– Любишь играть с огнём? – предупреждающе спросил я.

– Пытаешься меня запугать? – парировала она. Что это было? Эта малявка вводит меня в ступор. Она что, вообще безбашенная? Ладно, я её, конечно, не трону, но она-то этого не знает! Я с трудом оторвал взгляд от её лица и поплыл к берегу, она – за мной.

– Иди вперёд, я потом поднимусь, – сказал я ей, надевая штаны.

– Нам, кажется, по пути? – возразила она. – Кстати, где ты сейчас живёшь? Мы ведь, вроде, в твоём доме...

– У деда.

– Далеко отсюда?

– На параллельной улице. Наши огороды соприкасаются. Мы с отцом специально баню строили почти на меже, чтобы деду было удобно. Ему надо ноги парить.

– А почему он тогда не ходит туда?

– Так это ж теперь ваша баня, – усмехнулся я, вспомнив её слова.

– Натопи и попарь деда, сегодня же, – приказным тоном заявила Ксюша. Б...! Мне нравится её имя! – С ревматизмом не шутят.

Я удивился:

– Как ты узнала?

– Я окончила два курса мединститута. Это мы уже проходили.

– Погоди, это сколько ж тебе лет?

– Девятнадцать, – без всякого кокетства ответила она.

– Я думал, пятнадцать-шестнадцать.

– Не-а, это я просто мелкая. А тебе? Двадцать шесть? Двадцать семь?

– Двадцать три, – я следил за её реакцией, думал, удивлю. Но удивила в очередной раз она:

– Эх тебя...

– Не на курорте, чай, был, – усмехнулся я.

– Когда-нибудь расскажешь?

Она что, серьёзно?

– Нам больше незачем разговаривать, – возразил я. – Ничего хорошего из этого не выйдет.

Она долго пытливо всматривалась мне в лицо, потом вздохнула:

– Ты не похож на психа, который не может себя контролировать.

– Много ты видела психов?

– Я хочу знать, что с тобой произошло.

– Поройся в Интернете.

– И что я там найду? Броские газетные заголовки? Рассказы о том, как в детском садике ты играл с девочками в «доктора», что свидетельствует о твоих маниакальных наклонностях?

Я задохнулся... Она бьёт в «десяточку»! Такое впечатление, что прошла через это сама. Только одного она не понимает: тогда, два года назад, когда на меня ополчился весь мир, я не был психом – я был напуганным, попавшим в непонятки пацаном. А сейчас я настоящий псих! Невозможно выжить на зоне, оставаясь «белым и пушистым». Я вернулся, одержимый ненавистью и презрением. Я разучился доверять людям, каждое мгновение я готов отразить удар в спину. Где ты была два года назад, девочка?! Будь ты тогда рядом, может быть, я не стал бы зверем. А теперь поздно.

Она всё ещё смотрела на меня в ожидании ответа.

– Может, ещё по соседям поспрашивать? – она уже злилась на моё молчание. Пускай злится, лишь бы не боялась.

Не дождавшись от меня ни слова, она схватила с песка свои кроссовки и побежала в гору. Может, я уже и не всех так ненавижу?

Глава 6

Мама сегодня вышла на работу после отпуска. Вернулась окрылённая. Ей очень нравится детский сад. В этом году она берёт первую младшую группу – малышей от полутора лет.

– Конечно, с ними хлопотно, – рассказывает мама, – но они такие... просто ангелочки. Там есть девочка-мулатка, такая хорошенькая! Ещё два мальчишки – как день и ночь: один сероглазый блондин со смуглой кожей, а другой брюнет, а кожа белоснежная. Блондинчик так и светится, всё время дергает за юбку и пытается что-то рассказать на своем непонятном языке. А брюнетик, наоборот, суровый, сосредоточенный и молчаливый. Но оба такие смысленные и просто красавчики! А ещё...

Мама готова говорить о своих малышах часами. Ещё когда работала инспектором, дома её было не застать: она так переживала за детишек из неблагополучных семей, что постоянно была в каких-то рейдах, за кого-то хлопотала, кого-то куда-то устраивала. В доме звучали фразы, наподобие: «Снегирев опять запил, надо детей в лагерь отправить», или: «У Фроловых мать в больнице, а отец на вахте. Не могу бабушке дозвониться».

Юлька слушала мамины излияния с обычной своей ухмылкой:

– Ладно, Татьяна Игоревна, уговорили, берём. Чур, я выбираю себе беленького, а Ксюха пускай черненького берёт.

– Куда берёт? – запнулась мама.

– Ну, Вы их так рекламируете! Были бы хоть школьники, мы бы подождали чуть и замуж за них вышли. А так усыновлять придётся.

Мама поняла, что Юлька шутит над её восторгам, и строго посмотрела на меня:

– Замуж выйдешь – с внуками не затягивайте!

– Так точно! – я взяла под козырёк. – Можно уже сейчас приступить?

– Я же сказала: когда замуж выйдешь!

– Так и я о том же: надо ещё мужа найти.

– У тебя же, вроде, парень был? – подозрительно прищурилась мама.

– Сплыл, – буркнула я.

– Как же так?

– Не переживай, мамуль, я же не переживаю. Значит, ещё краше найду.

– О! – оживилась Юлька, – Тогда бери этого вашего маньяка. Краше уже некуда. Я бы себе взяла, да он, вроде, Машке подмигивал. Правда, она на это время в соляной столбик превратилась, мимикрировала под местность.

– Ага! – засмеялась я, вспомнив, как Егор в шутку напугал Машку ещё больше.

– Эх, дурёха! – вздохнула подруга. – Не понимает своего счастья.

– Я не поняла: вы о чём? – вмешалась мама.

– Да маньяка тут встретили по дороге со станции, – пояснила Юлька.

– Ксю-у-уш!? – мама вопросительно уставилась на меня. Пришлось объясняться:

– Парня посадили, его родители уехали отсюда, ты у них через агентство купила дом.

– Об этом я успела узнать, – отмахнулась мама. – Вас-то где угораздило с ним столкнуться?

– Шли со станции, велосипед сломался, он починил, – успокоила её Юлька. – Мы с ним даже не разговаривали.

– Я разговаривала. Два раза, – спокойно сообщила я.

– Где? Когда? – одновременно задали вопросы мама и подруга.

– Первый раз две недели назад. Он меня из воды вытащил, подумал, что я тону. Второй раз – сегодня утром на пробежке.

– Он тоже бегаёт? – вкрадчиво поинтересовалась Юлька.

– Бегаю я, а он купается по утрам, чтоб люди не шарахались. В мою сторону даже не глядел, я сама к нему подошла и заговорила.

– И?..

– Что «и»? Как видишь, живая, не расчленённая и даже не изнасилованная! – фыркнула я. Мама, задумчиво наблюдавшая за нашим диалогом, сказала:

– Его судили не за изнасилование.

– А за что? – теперь уже мне любопытно.

– За растление.

– Это сколько же ей было? – поинтересовалась Юлька.

– Пятнадцать, вроде.

Я зажмурилась. Не хочу это слушать! В пятнадцать лет, конечно, некоторые девчонки так выглядят, что мне, мелкой, и не снилось. А если покрасятся... Взглянуть бы на эту красоту, от которой потерял голову такой парень. Надо же! Я ей даже не сочувствую. Я просто... Пойдите, ревную что ли?!

– Мам, раз уж мы выяснили, что насилие нам не грозит, а растление, в силу преклонного возраста, невозможно в принципе, то разреши, пожалуйста, Егору топить баню. Они с отцом её специально строили, чтобы парить деда с его ревматизмом. Мы ведь всё равно ею не пользуемся.

– Вы с ним говорили об этом?

– Ну да...

– А ещё?

– Он не особо разговорчивый. А от девушек вообще старается держаться подальше.

– Неудивительно.

– Ну, так я скажу, что ты разрешила?

– Я сама скажу.

Юлька встала и потеряла руки:

– Напрасно я думала, что в деревне отдохну от бурной жизни. Здесь мне точно скучать не придётся.

Глава 7

Если бы пару лет назад кто-нибудь сказал мне, что я буду так тосковать по деревенской работе, я бы только усмехнулся. Но сейчас я просто кайфую, когда беру в руки шланг и поливаю огород, мне нравится надрывный треск и вибрация косы-триммера. А когда сегодня утром колот берёзовые поленья для бани, то на целый час забыл обо всём. Дровами всегда занимались мы с дедом у него во дворе, поэтому мне казалось, что я вернулся в позапрошое лето, что сейчас с чердака по лестнице спустится отец с двумя дубовыми вениками под мышкой. Что в задних воротах покажется мама с чистой одеждой для нас и, как всегда, строгим голосом предупредит: «Не вздумайте опять голышом к речке бегать, прикройтесь хоть полотенцем!» Мы, как всегда, пообещаем и, как всегда, побежим голышом. Все трое. А зачинщик – дед.

Из-за меня дед два года не парился, а другого лекарства для своих ног он не признаёт. Я собирался к осени срубить для него новую баню, потому что с холодами ему станет ещё тяжелее. Но малявка... то есть Ксюша, решила эту проблему.

Вчера я приехал из города и сообщил деду хорошую новость: нашёл работу в дорожной службе, буду укладывать асфальт. Не совсем то, о чём мечтал, точнее, совсем не то. Но что теперь об этом говорить! Дед тоже поделился своей радостью: приходила новая хозяйка нашего дома, пригласила в любое время пользоваться баней, пожурила за то, что молчал об этом.

– Так что с утра по холодку дровишек наколешь, а потом надо веничков свежих нарезать, – старик радовался, как ребёнок.

Мы с ним похожи внешне, так что я знаю, как примерно буду выглядеть в семьдесят лет. Мне это нравится. А ещё мы с ним полные тёзки, его тоже зовут Воркун Егор Иванович. И сегодня после заката мы с дедом зададим жару!

Чтобы успеть ко времени, пришлось встать пораньше, поэтому, когда Ксюша спустилась с бугра и лёгкой трусцой направилась вдоль берега, я быстро начал перетаскивать наколотые дрова к бане. Я ещё не заходил туда и не знаю, в каком она состоянии. Если надо что-то подправить, то займусь этим сразу после купания, а пока только гляну, потому что свой утренний прыжок с вербы я ни за что не пропущу. Раз уж и мал..., то есть Ксюша, и её мать не чураются меня, подобно всему селу, то грех этим не воспользоваться и не поговорить с кем-нибудь ещё, кроме деда.

С этими мыслями я отпер баню и вошёл внутрь. Хотя её и не топили давно, здесь был полный порядок: ни гнили, ни плесени, печь исправна. Похоже, новая хозяйка не только проветривала баню, но даже вытирала в ней пыль. Топи и парся.

– Ну, здравствуй что ли, маньяк! – раздался за спиной незнакомый женский голос. Я оглянулся – в дверях стояла шикарная брюнетка, подруга Ксюши. Я узнал её сразу, но не по внешности, а по взгляду, которым она с интересом ошупывала моё тело. Я, конечно, не застенчивый девственник, но такой откровенный призыв меня немного покоробил.

– Чего тебе? – спросил я, стараясь выглядеть равнодушным.

– Интересно посмотреть, чем ты тут занимаешься, – она отслонилась от притолоки и сделала шаг в мою сторону. Я сидел на корточках, осматривая со всех сторон печь.

– Посмотрела? Свободна.

– Что, и даже насиловать не будешь? – она сделала ещё шаг.

– А надо? – я поднялся и оказался с ней лицом к лицу. Ростом она лишь немного ниже меня, но я мощнее, поэтому всё равно нависал над её стройной фигуркой.

– Ты грубый, – она продолжала строить из себя искушённую амазонку, но прежней уверенности в голосе уже не слышалось.

– А ты на что рассчитывала? – скривился я.

– Ну, не знаю... – и куда девался призывный взгляд? На меня нахлынуло понимание. В одно мгновение до меня дошло, почему она здесь. Я схватил её за плечи и поменял нас местами. Теперь я стоял спиной к двери и загораживал выход. Её глаза расширились от страха. Это завело меня ещё больше.

– Ну, давай пообщаемся, – легонько подтолкнул её к полку, заставляя отступить назад.

– Егор, я... – оп-па, уже и голос срывается!

– Что «я»? Видали: уже Егор, а был маньяк! – я толкнул её, не сильно, просто чтобы уселась на полку. Хотелось наорать на эту овцу, но я сдерживался, и от этого голос у меня стал звучать зловеще вкрадчиво. – Девочка захотела набраться летних впечатлений? Приключения в каникулы? Я что, б..., тебе, аттракцион в Луна-парке? Хотела нежного маньяка? Так вот запомни: таких не бывает.

Девчонка, по-моему, уменьшилась вдвое. Чтобы закрепить эффект, я достал из кармана складной нож и приблизился к ней вплотную. Осмотрев внимательно с ног до головы свою нежданную компаньонку, я решил в воспитательных целях пожертвовать её недорогой на вид майкой. Две тоненькие бретельки перерезал не спеша, со вкусом. Теперь девочка походила на свою блондинистую подружку, когда та увидела меня на дороге. Я положил ладонь ей на голову и слегка нажал, заставляя смотреть мне в глаза.

– Как тебя зовут? – ответа не последовало. – Не слышу!

– Ю-юля...

– Послушай меня внимательно, Юля. Человеческая душа нежная, хрупкая. И когда в неё... без приглашения... в грязной обуви... это очень больно. Не надо так с людьми.

Девочка сглотнула и ничего не ответила.

– Я сейчас уйду, а ты посиди здесь ещё немного, подумай. Хорошо?

Она еле заметно кивнула. Не перестарался ли я? Что-то даже жалко её стало: дурёха, молодая, непуганая. Сидит с квадратными глазами и прижимает к себе маечку, чтоб не сползла. Погладил её по голове, по щеке – и вышел.

Глава 8

Его фигуру на дереве я увидела издалека. Интересно, он сейчас смотрит в мою сторону? Чтобы проверить, помахала ему рукой, он помедлил, но махнул мне тоже. Смотрит! Только бы не прыгнул, пока я не добежала. Прибавила скорости. Погодите, я что, за парнем бегаю? Похоже на то. Дожила! С другой стороны, он же не убегает. Вон сидит себе на ветке, голубчик, дожидается. Добежала, выпрыгнула из обуви – и в воду. Тут же повстречала волну от его тела, а вот и он сам, вынырнул, как в прошлый раз, прямо передо мной.

– Почему я вчера не видел, как ты бежала?

– Я зашла с другой стороны, от плотины.

– Зачем?

– Надоело каждое утро видеть твою спину.

Он улыбнулся:

– Спасибо за баню. Дед счастлив. Долго мать уговаривала?

– Она сразу согласилась, как узнала.

– Ты в неё такая?

– Какая?

– Любишь грести против течения.

– Никогда об этом не думала.

– Всё село решит, что вы тронулись.

Я пожала плечами, показывая, что мне всё равно. То, что я о нём узнала, сидело занозой в моей голове и отзывалось какой-то непонятной печалью в районе солнечного сплетения. Иногда я злилась на него (не мог оказаться нормальным парнем?!), иногда – на себя (угораздило увлечься человеком с таким прошлым!). Но по большей части я искала ему оправдания, была даже мысль провести собственное расследование: а вдруг его подставили? В общем, он прав: такая позиция понимания у односельчан точно не сыщется. Мне-то всё равно, а вот маме здесь нравится.

Но что делать, если у меня сбивается дыхание, когда я гляжу в эти удивительные глаза? И то, что он стоит так близко и с такой жадностью смотрит на мои губы, спокойствия мне не добавляет. Я жду, когда он сделает первый шаг. Но он борется с собой, и его жизненный опыт начинает одерживать верх над желанием. Я могу оставить всё, как есть, смириться с его решением. Могу, но не хочу. Он сам не может себя простить, поэтому лишает себя права прикоснуться ко мне. Я верну ему это право.

Отыскиваю в воде его руку и беру её в свою. Пальцы сжаты в кулак. Поднимаю глаза и смотрю на него снизу вверх – через минуту (очень долгую минуту!) его ладонь раскрывается. Осторожно прижимаю её к своей щеке. Он вздрагивает всем телом, в глазах – страх.

– Видишь? – говорю ему тихо, – я не рассыпалась, и тебя не поразила молния.

У него всё ещё такой вид, будто он ждет неминуемой кары. Тогда я кладу свою ладонь на его щеку, и он, следуя за её велением, начинает медленно наклоняться к моему лицу.

– Зачем ты это делаешь? – спрашивает он у самых моих губ.

– Ты всегда так много болтаешь? – в ответ на эти слова я не вижу, но чувствую губами его улыбку. Ещё она отражается в его глазах. Теперь в них восхищение. И нежность... Я не закрываю глаза, пусть он видит, что я понимаю, чего хочу. Его поцелуй легкий-легкий, он несколько раз касается моих губ, подбородка, затем прижимается своей шершавой щекой к моей и зажимается. Я тоже прикрываю глаза и снова начинаю дышать. Наши тела не соприкасаются, но мне кажется, что я слышу, как колотится его сердце. Или это моё? Его прерывистое дыхание обжигает, рассылая волны мурашек по всему телу. Мне хочется, чтобы он прогнал их своими ладонями. Но руки Егора, снова сжатые в кулаки, крепко прижаты к его бокам.

Это самый целомудренный поцелуй в моей жизни. И его подарил мне маньяк?! Господи, я отказываюсь понимать этот мир!

Не знаю, какая мысль его неожиданно посетила, но перемену в нём я ощутила сразу. Он как будто очнулся, отстранился от меня и, чертыхнувшись, нырнул в сторону берега. Я догнала его, когда он уже одевался.

– Егор, – позвала я, – что случилось?

Он резко повернулся ко мне:

– Тебе не нужна вся эта хрень.

– Это ты за меня так решил? – ледяным тоном ответила я.

– И мне она тоже не нужна.

– Ты сам-то в это веришь?

– Ксюш, – он взял меня за плечи обеими руками, заглядывая мне в глаза, будто решил загипнотизировать, – зачем всё это? Через неделю я выйду на работу, через месяц ты уедешь учиться. Ты получишь высшее образование, станешь врачом. А я уголовник и рад, что мне доверили лопату и бочку с гудроном. Твои фантазии о том, что я окажусь романтическим героем, нереальны. Плохие парни не перевоспитываются.

– Это если они на самом деле плохие, – возразила я.

– Я – на самом деле плохой, – заверил он. – У нас нет ни одного шанса.

– Потому что ты не хочешь нам его дать.

– Не хочу, – согласился он. – Прости.

– Между нами что-то есть, и ты не можешь это игнорировать. Я хочу разобраться, что это.

– Да всё легко объясняется: здоровое физическое влечение. У меня два года не было женщины, – усмехнулся он. Хотел оттолкнуть меня своим цинизмом? Наивный!

– Я знаю, что такое физическое влечение, – заявила я, решив идти ва-банк. – К сожалению, однажды спутала его с любовью. А когда разобралась, было уже поздно. Знаешь, как это противно – понимать, что твоим первым мужчиной стал нелюбимый? Как будто продала себя за красивые слова и эффектные жесты. Второй раз я не собираюсь так спешить, пока не буду уверена в своих чувствах.

– У нас не должно быть никаких чувств, – возразил он. Я покачала головой:

– Ты опоздал с этим заявлением на две недели и один день.

Он ошеломленно смотрел на меня, отпустив мои плечи. Я не знала, что ещё ему сказать, поэтому вернулась к воде. Надо немного охладить свой пыл, а заодно и за кроссовками на тот берег сплавать.

Глава 9

Юлька целый день была сама не своя, на мои вопросы отмалчивалась, читала книгу. Когда стемнело, мы вышли во двор, уселись на скамейку в маленькой беседке. Каждая молчала о своём.

Что мне нравится в моей подруге, так это то, что она ведёт себя везде, как дома. Мне не надо её развлекать потому, что она у меня в гостях, не надо заботиться о том, хочется ли ей есть или ещё что-то. Вот и сейчас совершенно незачем было занимать её разговором, этого не хотелось ни ей, ни мне. Хорошо когда есть подруга, с которой можно и поговорить, и помолчать. Причём, второе иногда даже нужнее.

Со стороны бани слышались голоса. Мы одновременно повернули головы в ту сторону, хотя между двором и огородом довольно высокий забор.

– Я была сегодня с Егором в бане, – ровным голосом проговорила подруга. У меня от её слов кольнуло где-то под лопаткой. Юлька продолжила, не замечая моего состояния:

– Утром твоя мама сказала, что ты на пробежке, я решила тебя догнать. Смотрю, он в баню дрова носит, пошла за ним следом.

У меня сердце остановилось, так я боялась услышать продолжение. Вот почему я ему не нужна: по сравнению с Юлькой, я заморыш.

– Он решил, что я хочу поковыряться в его ранах ради развлечения. Запугал меня и выставил избалованной дурочкой. Я сначала разревелась, потом разозлилась. А потом подумала и поняла, что он прав: мне было любопытно. А у него в глазах я увидела злость. И боль.

– Что он тебе сделал? – тихо спросила я.

– Ничего. Проучил. Запугал до чёртиков. До меня уже потом дошло, что он специально разыграл из себя маньяка, чтобы я от него подальше держалась.

Вот это да! Какие тут события разворачивались, пока я бегала до моста и обратно! И после этого он пошёл на речку, а там ещё я...

– И что теперь, Юль?

– Понятия не имею. Знаю только, что теперь он мне ещё больше нравится. Кажется, я готова влюбиться. «Я тоже», – подумала я, но промолчала.

У соседей залаяла собака. Тут же из темноты раздался голос:

– Свои, Дианка, – и Дианка сразу игриво заскулила, приветствуя старого знакомого.

– Добрый вечер... хозяева, – запнулся Егор, заглядывая через ворота. – Войти можно?

Странно, наверное, заходить в свой двор гостем. Тем более что тут почти ничего не изменилось. Двор был ухоженным и уютным, поэтому мама не стала ничего переделывать. Дом продавался со всей обстановкой, так что там тоже поменялись только детали.

– Заходи, Егор, – откликнулась я.

Он на ощупь нашел задвижку, открыл её привычным движением руки.

– Я на минуту, – предупредил он. – Хотел попросить о ещё одном одолжении.

Мы приготовились внимательно выслушать его просьбу. Он замялся.

– Вы на речку вечером не пойдёте? – начал он издалека.

– Не собирались, вроде, – ответила я.

– Просто я баню топил...

– Мы в курсе, – я искоса бросила взгляд на Юльку.

– Мы после парилки всегда окунаемся в речку. Я пытался отговорить деда, но он – ни в какую. Хочет получить удовольствие от бани сполна.

– А от нас что требуется? – не поняла я.

– Не выходить в ближайшее время в задние ворота. Просто мы спускаемся к речке... раздетые. Совсем.

Тут до меня дошло, и я рассмеялась:

– А что, дедушка стесняется?

– Ничуть, – усмехнулся Егор. – Это чтобы вас не смущать.

– Мы медики, нам смущаться не положено, – веселилась я. – Так что можете хоть голышом на грядке плясать, только капусту не потопчите.

– Я предупредил, – он ткнул в меня пальцем.

– Мы услышали.

– Я пошёл?

– С лёгким паром!

Может, мне показалось в темноте, а может, он, и правда, уходил с улыбкой. От чего она: от нашей перепалки или от предвкушения парилки? В любом случае, мне нравится, когда он улыбается.

– Юль, а ты чего молчишь? – я ткнула подругу в бок. – Юль!

– Ксюх, – задумчиво обратилась она ко мне, – как ты думаешь, то, что мне сейчас хочется сидеть в камышах и подсматривать за ним, можно считать маниакально-депрессивным синдромом?

Я на несколько секунд задумалась, потом совершенно серьезным тоном изрекла:

– Одно из двух: или это не маниакальный синдром, или он заразен. Потому что мне сейчас хочется сидеть в этих камышах рядом с тобой.

То, как мы хохотали над своим диагнозом, слышали, я думаю, и соседи, и Егор с дедом, и мама в доме. Ну, уж Дианка точно, потому что в ответ на наши дикие звуки залилась таким отчаянным лаем, что по улице её поддержало ещё не меньше десятка собак.

Глава 10

Сегодня я на дерево не полез, притаился в воде, как раз у того места, где она обычно спускается, чтобы поплавать. Вскоре услышал её тяжелое дыхание и недовольное сопение. Девочка разозлилась. Неужели от того, что меня нет? Мне было видно, что она озирается вокруг, уперев руки в бока.

– Ну и ладно! Подумаешь! – ворчит, как обиженный ребёнок. Спрыгивает в воду и плывет... прямо ко мне в руки.

Я ныряю и под водой хватаю её за пятку, её стопа помещается в моей ладони. Какая же она всё-таки маленькая! Думал, сейчас услышу оглушительный визг, но она начала молча брыкаться и заехала мне другой ногой в живот. Пришлось выныривать, чтобы глотнуть воздуха.

«Идиот, кретин, придурок!» – это то, что я ожидаю заслуженно услышать в свой адрес, когда злорадно сообщаю ей в лицо:

– Попалась!

Вместо этого она обнимает меня за шею и заявляет:

– Ты тоже!

Тогда я притягиваю её к себе, крепко прижимаю обеими руками... И на несколько минут выпадаю из реальности.

Самый шикарный наряд – это мокрая футболка; самый изысканный аромат – это запах речной тины; самое вкусное лакомство – это её губы! И это истина!

Она отвечает на мой поцелуй неистово, жадно. Наверное, её чувства подстёгивает только что пережитый испуг. А мои и подстёгивать не надо: я с ума схожу от её губ под моими губами, от её рук в моих волосах, от её маленького хрупкого тела, которое сейчас полностью в моей власти. Но я не собираюсь этим воспользоваться, не хочу ошеломить её своим напором. Я просто хочу, чтобы она почувствовала, как она мне нужна, как я её люблю! Да, люблю, такую крошечную и смешливую, но упрямую и дерзкую – просто удивительную! Что бы она ни говорила, она всегда права. Всегда! А если она в меня верит, то почему мне самому не поверить в себя? Да ради такого взгляда, каким она меня встретила, я научусь ходить по воде! Вот сейчас она пытается отдышаться, выровнять сердцебиение, а я легонько целую её в висок и не могу сдержать идиотской счастливой улыбки. Моя девочка. Моя!

Я не знаю, что ей сейчас сказать, не нахожу слов. Но она, я надеюсь, сама всё поняла. Она такая... ей не надо ничего объяснять. Смотрит на меня так доверчиво, что я не могу удержаться, беру её лицо в свои ладони и покрываю множеством крошечных поцелуев, чтобы не пропустить ни точки. Её губы припухли, на левой скуле и подбородке покраснение от моей щетины. Мне хочется потихоньку прикусить её шею, оставить знак того, что она моя. Но нельзя, по крайней мере, не сегодня. «Осторожно! Не спеши! Не напугай!», – уговариваю сам себя. Понимаю, что надо отвлечься на что-то, но в голове скачут солнечные зайчики, и – ни одной мысли...

– Я никогда не прыгала с дерева. Научишь? – вдруг говорит она. Я благодарен ей за то, что избавила меня от необходимости заговорить первым. Уверен, она сделала это специально, чтобы мне помочь. Наклоняюсь и оставляю на её губах ещё один недолгий, но крепкий поцелуй. За понимание.

Сначала первым прыгнул я, показывая, как надо сгруппироваться, как оттолкнуться. Во второй раз она решила, что достаточно научилась, и полезла первой по отшлифованному мальчишескими пятками стволу. Десять секунд, пока она была под водой, длились для меня бесконечно, но вот она вынырнула и крикнула:

– Прыгай, не бойся!

Я рассмеялся и оступился, соскользнув с ветки, но ухватился за неё двумя руками и повис. Потом просто отпустил руки и вошёл в воду «солдатиком».

Когда сидели на берегу, я спросил, почему она всегда купается в шортах и майке.

– Стесняюсь, – просто призналась она. – Похвастаться нечем, вот и не раздеваюсь. Особенно рядом с Юлькой.

– Странно, – признался я, – почему тогда я на Юлькины прелести смотрю, как на картинку в журнале, а от тебя оторваться не могу?

Она покраснела, но на меня смотрела недоверчиво.

– Надеюсь, это не твой бывший парень внушил тебе, что ты не красавица?

– Да нет, у него претензий к внешности не было.

– Тогда что его не устроило? Или это ты его бросила?

– Скорее, всё-таки он, – призналась она. – Нам просто, наверное, было удобно вместе. А потом он получил диплом и уехал в Питер делать карьеру. Не могу сказать, что я сильно по нему страдала, хотя мы были вместе год.

– А другие?

– Больше никого не было. А, нет, был ещё один. Тот тоже считал меня красивой. Но это было во втором классе.

Меня удивляет её способность находить смешное во всём. Но иногда я думаю, что за этой самоиронией она прячет свои душевные раны. Странно, но до этого времени я почему-то думал, что это у меня проблемы, а у других так, мелочь. А оказалось, что этой девочке тоже нужна чья-то поддержка. Может, моя? Смогу ли я, сам наполовину сломленный, озлобленный, неуверенный в завтрашнем дне, разочарованный в людях и в жизни, не верящий в справедливость, помочь ей в чём-то, хотя бы понять, что она совершенство? А ведь она, действительно, такая, хотя сама этого не осознаёт.

– Не хочешь переодеться в сухое? – спросил я её не без умысла.

– У меня из сухого – только носки и кроссовки, да и то, как обычно, на том берегу, – ответила она.

– Возьми мою футболку, – я встал и поднял её за руку с травы.

– Да не стоит...

– Так, – перебил я, – если простудишься, буду лечить тебя в парилке березовым веником.

Протянул свою футболку и отвернулся. Ей ничего не оставалось, как начать переодеваться. Как только понял по шорохам, что она разделась, я резко повернулся и уставился на неё, она замерла от неожиданности. Я рассматривал её довольно откровенно. Простые голубые трусики – всё, что на ней было – скрывали очень мало. Господи! И это она назвала «нечем похвастаться»?

Я подошёл к ней вплотную, взял у неё из рук футболку и сам на неё надел. Если притянуть пояском на талии, то получится платьице с рукавами «летучая мышь».

– Ты обманул, – наконец выдохнула она. Я покачал головой:

– Это ты обманула. Ты идеальная. И с завтрашнего утра ты плаваешь в купальнике.

Я снова усадил её на траву, сам сел сзади и прислонил её спиной к себе, очень надеясь, что она не заметила чисто мужской реакции моего тела. Ну а если заметила, то пусть это добавит баллов к её самооценке.

– Хочешь, научу входить в воду без брызг? – спросил я её на ухо. Кажется, она обрадовалась смене темы:

– Ты сам учился здесь?

– Сначала здесь, потом в институте с инструктором.

– Успел закончить?

– Только три курса, – это большая тема, но когда-нибудь мне надо об этом поговорить. Ксюша – лучший собеседник в данном случае. Она задает самый логичный и болезненный вопрос:

– Будешь восстанавливаться?

– Нет. К этому институту меня теперь на пушечный выстрел не подпустят.

– Институт МВД?

– Педагогический.

– Б...! – да, она мгновенно ухватила суть. – Ты собирался преподавать физкультуру?

– Информатику.

Она надолго замолчала. Хорошо, когда не охают и не причитают. Я, наконец, высказал вслух хотя бы одну свою боль – запрет на всю жизнь заниматься любимым делом. На суде мне даже это поставили в вину, якобы преподавание – отличная возможность быть поближе к старшекласникам. Из парня, который из-за выпитого коньяка и толстого слоя косметики не смог оценить возраст девушки, с которой уединился в разгар вечеринки, сделали монстра, маньяка-педофила. Попробуй теперь докажи, что в детях меня интересуют исключительно их пытливые умы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.